

Содержание

«Ты, читатель, улыбнулся?»	
<i>Предисловие</i>	5

ИЗ КНИГИ «САТИРЫ»

Критику	27
---------------	----

ВСЕМ НИЩИМ ДУХОМ

Пробуждение весны	30
«Все в штанах, скроённых одинаково...»	33
Опять	35
Культурная работа	37
Желтый дом	39
Интеллигент	41
Диета	43
Два желания	45

БЫТ

Всероссийское горе	48
В гостях (Петербург)	52
Мухи	54

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦЕХ

В редакции толстого журнала	58
«Смех сквозь слезы» (1809—1909)	62
Трагедия (К вопросу о «кризисе современной русской литературы»).	65

НЕВОЛЬНАЯ ДАНЬ

Молитва	69
-------------------	----

ПОСЛАНИЯ

Кумысные вирши	72
--------------------------	----

ПРОВИНЦИЯ

Бульвары	84
При лампе	86
На галерке (В опере).	89
На музыкальной репетиции	90

ЛИРИЧЕСКИЕ САТИРЫ

Под сурдинку	94
------------------------	----

ИЗ КНИГИ «САТИРЫ И ЛИРИКА»

БУРЬЯН

«Безглазые глаза надменных дураков...»	100
В пассаже	101
«Книжный клоп, давясь от злобы...»	102
Пять минут	104
В детской	107
Бодрый смех	108
Тучков мост	111
В пространство	112
Больному	114
Вид из окна	116

ХМЕЛЬ

Нирвана	120
«Солнце жарит. Мол безлюден...»	121
«Почти перед домом...»	123
Возвращение	124
У Нарвского залива	125
Сумерки	126
На замковой террасе	127
Апельсин	128
Тифлисская песня	130
Ленивая любовь	132
Человек	134

ИЗ КНИГИ «ЖАЖДА»

ВОЙНА

Песня войны	140
Привал	142
Письмо от сына	145
В операционной	146
На поправке	148

НА ЛИТВЕ

«На миг забыть — и вновь ты дома...»	152
Аисты	154

ЧУЖОЕ СОЛНЦЕ

«Сероглазый мальчик, радостная птица...»	158
Мираж	160
Весна в Шарлоттенбурге	162
«Здравствуй, Муза! Хочешь финик?»	164

РУССКАЯ ПОМПЕЯ

«Прокуроров было слишком много...»	168
«Ах, зачем нет Чехова на свете!»	169

СТИХОТВОРЕНИЯ 1905 – 1932

«Слишком много разговоров...»	172
Балбес	174
Воробьиная элегия	176
Собачий парикмахер	178
Каменщики	182

«Саша Чёрный избрал благую часть сатиры — презрение.

Но у него достаточно вкуса, чтобы заменять иногда брезгливую улыбку улыбкой благосклонной и даже добродушной».

Николай Гумилёв

Из «Писем о русской поэзии»

«Саша Чёрный чувствует и мыслит глубоко, и жертвы его сатиры не господ “А”, “В”, “С”, “D”, а типичные пошлость, скука, лень, равнодушие и тихое оподление современной жизни».

Александр Куприн

«О Саше Чёрном»

«...чужие стихи Маяковский читал постоянно...

В 1915–1916 годах постоянно декламировал Сашу Чёрного. Он знал его почти всего наизусть и считал блестящим поэтом. Многому научил Саша Чёрный Маяковского-сатирика».

Лиля Брик

Из «Чужих стихов»

Предисловие

«Ты, читатель, улыбнулся?»

*И улыбка молодая
Загорелась мне в ответ:
«Голова твоя седая,
А глазам — шестнадцать лет!»*
Саша Чёрный

Мог ли предположить зажиточный одесский мещанин Мендель Давидович Гликберг, отличавшийся крутым нравом, что останется в истории как отец поэта-сатирика и фельетониста Саши Чёрного, одного из первых знаменитых одесских юмористов? Едва ли такая безумная мысль закрадывалась в голову выпускнику медицинского факультета Императорского университета Святого Владимира в Киеве, когда, получив профессию провизора и устроившись разъездным представителем химической фирмы, производившей, среди прочего, тройной одеколон, Мендель Гликберг сочетался браком с девицей Марьей Меевской, происходившей из купеческой семьи.

Молодожены поселились в Одессе, на Ришельевой улице, в доме Семашко (здание сохранилось до сих пор — сейчас это дом номер 74). Вскоре на свет

появился их первый ребенок — дочь Надежда (к слову сказать, тоже будущий литератор), а 1 (13) октября 1880 года родился сын, которого назвали Александром. Всего у Гликбергов было шестеро детей, три мальчика и три девочки.

Семья жила в достатке, но без тепла и душевной близости. Женщина нездоровая, страдавшая истерией, Марьей Мееровна тяготилась детьми и, не зная, как с ними справляться, жаловалась мужу. Мендель Давидович, много работавший и часто разъезжавший по делам, не вдаваясь в подробности, переходил к наказанию. Однако он считал своим родительским долгом дать всем детям хорошее образование, что было не так-то просто из-за ограничений для евреев: в черте оседлости в учебных заведениях их могло быть не больше десяти процентов от общего числа учащихся, в Москве и Санкт-Петербурге — не больше трех процентов.

В конце 1880-х семья переехала в город Белую Церковь в Киевской губернии, где Саша Гликберг держал экзамены в гимназию, но не набрал нужного балла. Во избежание дальнейших проблем, в 1890 году отец окрестил всех детей, уравнив их в правах с прочими гражданами христианского вероисповедания.

Наконец Саша стал гимназистом, но успехами в учебе не блистал и за несколько лет так натерпелся от учителей и родителей, что в пятнадцать лет сбежал из дома. Позднее, работая над переводами австрийского сатирика Морица Готлиба, он мог бы подписаться под таким его пассажем: «У меня не было

детства! У меня не было юности! В книге моей жизни недостает этих двух золотых вступительных страниц. Детство, яркая, пестро окрашенная заглавная буква, вырвана из длинных строк моего бытия! <...> Никогда меня не убаюкивали ласкающие звуки, и никогда не пробуждал милый голос! Моя судьба залепила черным пластырем два сияющих глаза жизни — детство и юность. Я не знаю их света и их лучей, а только их ожоги и глубокую боль».

Юность Александра Гликберга — словно глава из приключенческого романа, со счастливым концом. О первых месяцах после побега известно мало, сам поэт не любил об этом вспоминать. После периода мытарств он оказался у дальнего родственника в Санкт-Петербурге. Отец, смирившись с решением юного бунтаря, устроил его перевод в столичную гимназию и снабжал деньгами на учебу и проживание. Однако, когда Александр провалил экзамен по алгебре и его отчислили, терпение Менделя Гликберга лопнуло. Он перестал отвечать на письма сына и лишил его средств к существованию.

История бедствующего гимназиста дошла до ушей Александра Яблоновского, сотрудника газеты «Сын отечества». Его статья «Срезался по алгебре» сыграла в жизни юного Гликберга судьбоносную роль. Она попала на глаза видному житомирскому чиновнику Константину Константиновичу Роше, почетному мировому судье и члену правления Волынского губернского присутствия по крестьянским делам, человеку деятельному и сострадательному. Незадолго

до этого Роше похоронил приемного сына и, еще не оправившись от горя, живо откликнулся на историю неприкаянного подростка.

Он похлопотал о переезде Саши в Житомир и его устройстве во 2-ю житомирскую гимназию. Гликберг поселился в доме своего опекуна, занимался немецким языком с его матерью, ездил вместе с ним в Уфимскую губернию, доставляя помощь голодающим на собранные самим Роше средства. Будучи человеком незаурядным, мало похожим на обычного чиновника, Константин Константинович интересовался литературой, писал стихи и, судя по всему, оказал глубокое влияние на формирование поэта Саши Чёрного.

Между тем и в житомирской гимназии будущий сатирик задержался ненадолго. Конфликт с директором повлек за собой немедленное исключение без права восстановления. В итоге осенью 1900 года незадолго до своего двадцатилетия Александр Гликберг поступил на военную службу. Определенный рядовым в учебную команду 20-го Галицкого полка, о своих обязанностях он вспоминал так: «Мне было поручено обучать грамоте солдат в учебной команде, что я и делал с большим удовольствием — целых два года».

Следующий этап его биографии — таможня в местечке Новоселицы на границе с Австро-Венгрией, где он проработал около двух лет. После чего в 1904-м вернулся в Житомир и вскоре начал сотрудничать с газетой «Воłyньский вестник», сочиняя фельетоны. В этом же издании летом 1904 года, не без помощи К. К. Роше, впервые были опубликованы и его юноше-

ские стихи. Подписывался он тогда псевдонимами Сам по себе и Мечтатель.

Рождение Саши Чёрного — и псевдонима, и поэта-сатирика — связано с Санкт-Петербургом, куда начинающий литератор отправился в начале 1905 года, обосновавшись на первое время у Константина Ивановича Диксона, племянника Роше. Карьеру в столице Александр начал с конторской работы — устроился тестировщиком в службу сборов Петербургско-Варшавской железной дороги. Не забрасывал он и сочинительство, проторя дорожку в столичные журналы.

1905 год ознаменовался в судьбе Александра Михайловича Гликберга еще двумя важными событиями. На службе он встретил свою будущую жену Марию Ивановну Васильеву — на девять лет старше, она была его начальницей. Выпускница Бестужевских высших курсов, ученица известного философа профессора А. И. Введенского, образованная и деятельная, она стала надежной спутницей поэта и прожила с ним до конца его дней.

В 1910-е годы Васильева сделала академическую карьеру, активно занималась общественной работой, при этом не уставая во всем поддерживать супруга. «Мария Ивановна была доктор философии. Она преподавала в высших учебных заведениях логику, и, признаться, я ее немножко побаивался. Да и Саша, кажется, тоже», — вспоминал Корней Чуковский.

Но вернемся в революционный 1905 год. Летом молодожены отправились в свадебное путешествие в Италию. А по возвращении окунулись в бурля-

щую в ожидании перемен жизнь Петербурга. Страну охватила Всероссийская стачка, и Николай II, пойдя на уступки, обнародовал Манифест 17 октября 1905 года о даровании гражданских свобод. Однако многим это казалось полумерой, да и выполнять требования Манифеста власти на местах не спешили.

Наэлектризованная атмосфера нашла отражение и в творчестве Александра. 27 ноября 1905 года в журнале «Зритель» появляется стихотворение «Чепуха» — первое, подписанное псевдонимом Саша Чёрный. Власти усмотрели в нем клеветнической памфлет, а также нелестные намеки на самого императора иотреагировали жестко: журнал закрыли, а новоявленного поэта взяли на заметку. Как это часто случается, разразившийся скандал сделал Сашу Чёрного знаменитым.

Его сатирические стихотворения все чаще появляются в прессе, а в начале 1906 года выходит из печати и первый сборник «Разные мотивы» (еще под фамилией Гликберг), включавший и сентиментальную лирику, и социальную сатиру. Книга, однако, прошла незамеченной — это была еще бледная тень того Саши Чёрного, который вдохнет новую жизнь в российскую юмористическую литературу. К тому же вскоре она была запрещена цензурой.

Вместо того чтобы закреплять первый успех, поэт вместе с женой покидает Россию и почти на два года уезжает в Германию. Отчасти это связано с научными интересами Марии Ивановны, которая продолжила там образование, отчасти — с желанием Саши Чёрного исчезнуть из поля зрения властей. Пользуясь

выпавшей возможностью, он в течение двух семестров в качестве вольнослушателя посещает лекции в Гейдельбергском университете.

В Россию возвращается обновленный Саша Чёрный — с одной стороны, вкусивший европейских свобод, с другой — насмотревшийся на самодовольное немецкое мещанство, воплощение особого вида пошлости. Обостренное сатирическое жало, ловко находящее стихотворную форму, оказывается на родине весьма востребованным. И, когда в 1908 году старый юмористический журнал «Стрекоза» стараниями Аркадия Аверченко превращается в новый «Сатирикон», свободную трибуну социальной сатиры, Сашу Чёрного с радостью принимают в коллектив.

Работая бок о бок с популярными юмористами А. Аверченко, Тэффи, О. Дымовым и другими, Чёрный очень быстро становится главной приманкой для читателей, автором самых нашумевших произведений. Декадентский журнал «Золотое руно» даже назовет его «королем поэтов „Сатирикона“».

По свидетельству все того же Корнея Чуковского, «...сатириконовский период был самым счастливым периодом его писательской жизни. Никогда, ни раньше, ни потом, стихи его не имели такого успеха. Получив свежий номер журнала, читатель прежде всего искал в нем стихи Саши Чёрного. Не было такой курьезности, такого студента, такого врача, адвоката, учителя, инженера, которые не знали бы их наизусть. Он попал, так сказать, в самый нерв эпохи, и эпоха закричала о себе его голосом».

Произведения, увидевшие свет на страницах «Сатирикона», вошли в дебютный сборник Саши Чёрного со скромным названием «Сатиры» (1910). Книга состояла из шести разделов — стихотворения автор сгруппировал по темам: «Всем нищим духом» (городские зарисовки), «Быт», «Авгиевы конюшни» (о писательском цехе), «Невольная дань» (отклик на культурные и политические события), «Провинция» (житомирские впечатления) и «Лирические сатиры». Рамками юмора сборник не ограничивался. Он открывал читателю и другую, лирическую, грань Саши Чёрного, этого «глашатая интеллигенции», как титуловали его критики, которому неуютно в этом мире и который прячет за насмешкой и нарочитым антиэстетизмом тонкую ранимую душу.

Второй сборник «Сатиры и лирика», изданный через год, еще резче обозначил два полюса таланта Саши Чёрного, в текстах которого скепсис мизантропа перемежался со страстным живым чувством, гротеск доходил до накала трагедии, а унылая созерцательность соседствовала с почти детской чистотой.

Критики отреагировали на эти книжные новинки в целом благосклонно, а читатель просто влюбился в образы и поэтическую манеру Чёрного. Оба сборника разлетелись впечатляющими тиражами и выдержали по несколько переизданий. А меткие фразы и строки-афоризмы ушли в народ: «Царь Соломон сидел под кипарисом // И ел индюшку с рисом», «Сбежались. Я тоже сбежался. // Кричали. Я тоже кричал», «„Отречемся от старого мира...“ // И полезем гуськом под кровать», «Как молью, изъеден я сплином... // По-

сыпьте меня нафталином», «В раю мне будет очень скучно, // А ад я видел на земле»...

Второй поэтический сборник Саша Чёрный готовил к печати уже после разрыва с «Сатириконом», ставшего для всех неожиданностью. Он ушел из популярнейшего журнала на пике своей известности, не вдаваясь в объяснения и просто поставив коллег перед фактом. Версии высказывались разные: что он перерос узкие рамки сатирической поэзии, что его стала утомлять атмосфера в «Сатириконе», что он мечтал писать прозу и попробовать себя как детский писатель.

Так или иначе, но в 1911 году он отправляется в долгую поездку по южным губерниям Российской империи, печатается в местной прессе, а в 1912-м, оказавшись в Италии, гостит на Капри на вилле Максима Горького, перед которым в то время благоговел.

Между тем на родине он сам становится фигурой, перед которой благоговели, поэтом, на которого равняются. Очень высоко оценивал его вклад в литературу А. И. Куприн: «...Саша Чёрный жив и переживет всех нас, и наших внуков, и правнуков, ибо сделанное им — сделано навеки и обвеяно чистым юмором, который — лучшая гарантия для бессмертия».

Владимир Маяковский, по свидетельству современников, был буквально одержим стихами Чёрного, постоянно их декламировал и признавался, что любит их за «язвительный антиэстетизм». Восторгался его поэзией и крайне требовательный к собратьям по цеху Владимир Набоков, отмечая отменный вкус Александра Михайловича и с благодарностью вспо-